

А.С. Соколов

*д.и.н., Рязанский государственный радиотехнический университет
имени В.Ф. Уткина (Рязань)*

СВОРАЧИВАНИЕ НЭПА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Аннотация. В статье представлен анализ событий новой экономической политики. Анализируются причины кризисных явлений в развитии нэпа. Отмечено, что его свертывание проходило под влиянием внутренних и внешнеполитических обстоятельств. Выявлено, что к концу 1920-х гг. наблюдалось изживание системы нэпа. Сделан вывод о том, что осуществление быстрой индустриализации в рамках нэпа было невозможно.

Ключевые слова: *новая, экономическая политика, товарный кризис, концессии, модернизация, международные отношения, финансы.*

JEL: B24, N14, N24, N44.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10208.

Накануне юбилея новой экономической политики этот советский период российской истории вновь привлекает внимание историков, экономистов, политологов. При этом высказываются различные мнения относительно уроков и итогов нэпа. Одни считают, что не стоит идеализировать нэп, который не стал золотым веком ни для города, ни для деревни [Осокина, 2008. С. 57], другие указывают на наличие в нэповской экономике необходимого потенциала для ускоренной модернизации СССР [Фельдман, 2019. С. 136]. Конечно, по сравнению с концом 1980-х – началом 1990-х гг. в обществе наблюдается снижение внимания к нэповской проблематике. Тем не менее в современной историографии наблюдается интерес к предпосылкам свертывания нэпа. Одни авторы видят их в антирыночной политике большевистского руководства, другие – в причинах идеолого-политического характера. Последние считают, что нэп «себя не изжил», партийно-государственной верхушкой был совершен «слом» нэпа насильственным путем. По нашему мнению, свертывание нэпа было связано с экономическими факторами, вокруг которых «крутились события».

Осуществление принципов нэпа сопровождалось рядом кризисных явлений. Они имели место и в 1923 г. («кризис сбыта») в 1925–1926 гг. (товарный голод) на рубеже 1927–1928 гг. (кризис хлебозаготовок). Кризисы были вызваны не только просчетами субъективного свойства в связи с внутрипартийной борьбой, но и причинами объективного характера. Способы, которыми большевики справлялись с этими кризисами (директивная ценовая политика, применение чрезвычайных мер по отношению к частному сектору) заводили нэп в тупик. Принимаемые меры по преодолению очередного кризиса способствовали дальнейшему сужению рыночного пространства. Можно согласиться с мнением, что нэп следует рассматривать как попытку приспособления государственного сектора экономики к рынку в целях преодоления последнего [Орлов, 2015. С. 59]. Именно это противоречие создавало питательную среду в социально-экономической сфере.

Во второй половине 1920-х гг. в ходе восстановления экономики в условиях сочетания плановой экономики и элементов рынка остро встал вопрос о дальнейших темпах

и методах модернизации страны. Все очевиднее становился факт: нэп оказывается весьма неэффективной моделью для решения модернизационных задач [Сенявский, 2006. С. 19]. К началу 1928 г. политика «экономической смычки» между городом и деревней сопровождалась острейшим кризисом хлебозаготовок. К 1928 г. в СССР национальный доход оказался на 12–15% ниже уровня 1913 г., душевое же производство, с учетом роста населения на 5%, уменьшилось на 17–20% [Ханин, 1989. С. 69]. Осваивая новое производство и вводя новые технологии к 1927 г. крупная государственная промышленность в целом достигла довоенного уровня. В то же время государственная промышленность к концу 1928 г. не достигла уровня 1913 г. по производству чугуна, стали, цветных металлов, проката, строительных материалов, а земледелие – размеров посевных площадей под зерновые и валовому сбору зерновых [Шишкин, 1997. С. 290]. Товарная часть зернового производства значительно уменьшилась и составила в 1928 г. только 48,4% от уровня 1913 г. Но при этом численность городского населения увеличилась на 2,9 млн человек, и потому годовая норма среднедушевого потребления хлебных продуктов в городах сократилась с 200 кг в 1913 г. до 86,5 кг в 1928 г. [Бокарев, 2006. С. 128]. Диспропорции между секторами экономики сохранялись. СССР по-прежнему оставался на начальном этапе индустриализации: крупной промышленностью производилось не более 25% национального дохода страны [Орлов, 2015. С. 84].

Были приняты недостаточно продуманные решения, положившие начало процессу нарушения хозяйственного равновесия. Этот процесс был связан с отходом от осторожной денежно-кредитной политики, осуществлявшейся в период проведения денежной реформы 1922–1924 гг. Вопреки обычному сезонному сжатию кредита и денежного обращения во II кв. 1927 г. Госбанк предоставил новых кредитов на 310,7 млн руб. против 30,1 млн руб. в соответствующем квартале, а денежная масса в обращении увеличилась на 135,8 млн руб. против 10 млн руб. в 1926 г. [Голанд, 1998. С. 57]. Этот рост был вызван, с одной стороны, широким развертыванием капитальных работ в промышленности, с другой, снижением промышленных цен для сжатия «ножниц» между промышленными и сельскохозяйственными товарами за счет оборотных средств промышленности и торговли. Все это приводило к дальнейшему росту цен, усилило нехватку товаров и обострило хлебозаготовительные трудности. В дальнейшем эмиссия денег была увеличена. В течение мая 1927 г. состояние денежного рынка продолжало оставаться напряженным. По данным Конъюнктурного института, в области финансов наблюдалось расширение эмиссии. В то время как в мае 1926 г. имело место сокращение денежного обращения на 49,9 млн руб., в мае 1927 г. денежное обращение увеличилось на 47 млн руб. [Экономический бюллетень Конъюнктурного института, 1927. С. 3]. По данным руководителя Валютного отдела Наркомата финансов СССР Л.Н. Юровского, эмиссия превзошла все показатели потребности народного хозяйства в деньгах. Она составила в 1927/1928 гг. 342 млн руб. При этом товарная масса за хозяйственный год увеличилась на 11,8%, тогда как количество денег возросло на 20,8% [Российский государственный архив экономики, ф.7733, оп.6, д. 34. л. 128, 142–158]. Неограниченная эмиссия вела к росту заработной платы. Зарплата на промышленных предприятиях вместо 7,2 по плану выросла на 10,5% [Осокина, 2008. С. 72]. Увеличение денежной массы в обращении при слабом росте производства товаров вело к быстрому развитию инфляции.

Страна оказалась в тяжелом валютном положении. Весной 1928 г. был введен запрет на перемещение советской валюты через границы СССР. Запрещался ввоз и пересылка из-за рубежа червонных банкнот, казначейских билетов, советских металлических денег, а также расчетных и платежных документов, не имеющих отношения к внешнеторговым операциям [Сборник законов. 1928. № 18. Ст. 152]. Советский рубль и советская денежная система оказались перенаправленными исключительно на обслуживание внутреннего экономического оборота при полной изоляции от операций мирового хозяйства [Борисов, 1997 С. 173].

Свертывание нэпа в экономике страны было связано и с проблемой внутренних займов, которые наряду с поступлениями от налогов формировали доход бюджета. Советское правительство и его финансово-экономические ведомства принимали меры для обеспечения поступательного роста внутреннего государственного кредитования народного хозяйства за счет населения страны. Уже в 1927 г. стало ясно, что достигнут потолок в извлечении финансовых ресурсов обычными методами. В 1927–1929 гг. правительство выпустило: три займа индустриализации, 10%-ный выигрышный заем, заем укрепления крестьянского хозяйства. Их отличительной особенностью было то, что они размещались среди трудящихся посредством коллективной подписки с рассрочкой платежа. Это ограничивало свободу действия подписчиков, что выражалось в психологическом давлении на граждан в период подписных кампаний. Например, в период хлебозаготовок 1928 г. у крестьян принудительно изымалось зерно в счет подписки на заем восстановления крестьянского хозяйства [Соколов А.С., 2012. С. 376]. Документы свидетельствуют, что люди в массовом порядке стали сбрасывать облигации займов. Внутренние государственные займы имели среднесрочный и долгосрочный характер. Большинство из них выпускалось сроком на 10 лет [История Министерства финансов России, 2002. С. 298]. Недостаточная величина финансовых ресурсов в 1928 г. была слишком тяжела для советской экономики. В целях их сохранения нужны были и принудительные займы, и дополнительный выпуск денежных знаков. В целях пополнения бюджета с 1927 г. была расширена продажа водки населению, доход от реализации которой составил 500 млн руб. [Орлов, 2002. С. 387].

Не дала сколько-нибудь значительных результатов и концессионная практика второй половины 1920-х гг. На 1 ноября 1927 г. было 163 концессии, но по отношению к предложениям доля заключенных договоров составляла лишь 7% [Орлов, 2002. С. 387]. Причинами свертывания концессионной политики было тяжелое состояние советской экономики, низкая производительность, отсутствие должных сырьевых ресурсов. Все это негативно влияло на рентабельность производства, себестоимость продукции и ее конкурентоспособность. В отдельных отраслях промышленности концессии сыграли известную положительную роль, но в целом доходы от них были незначительны. В 1926/27 г. они составили – 7 млн руб., в 1927/28 г. – 6,6 млн руб. [Шишкин, 1997. С. 299]. Состояние внешней торговли характеризовалось заметным понижением экспорта и ростом импорта. Понижение экспорта произошло главным образом за счет полного прекращения вывоза хлеба. Сократился также экспорт продуктов пищевой промышленности, марганцевой руды, кожсырья. За 1927/28 г. экспорт составил 691,7 млн руб. против 1926/27 г. – 665,4 млн руб. [Обухов, 2009. С. 140]. По данным таможенной статистики, затраты на импорт в 1927/28 г. превысили доходы от экспорта на 171 млн руб. [Осокина, 2009. С. 72]. Дефицит платежного баланса СССР покрывался продажей золота и платины. В целях усиления экспорта СТО принял постановление в июле 1928 г. «О капитальных вложениях в экспортные отрасли хозяйства». В 1928–1930 гг. экспорт превысил импорт и дал положительное сальдо в 12,9 млн руб. Экспорт был увеличен за счет леса, нефтепродуктов, железной руды, каменного угля, хлопчатобумажных тканей и прочих товаров.

Кризис хлебозаготовок 1927/28 г. резко ухудшил положение на внутреннем рынке. Широкое использование чрезвычайных мер означало слом нэпа в наиболее важной системе экономических отношений – отношений между городом и деревней. С октября 1927 г. в связи с плохим ходом хлебозаготовок продовольственная ситуация в промышленных регионах значительно ухудшилась. Перебои с хлебом в магазинах привели к росту цен на рынке. Начался резкий рост цен и 1927/28 г. стал первым годом их резкого скачка [Осокина, 2002. С. 404]. В конце 1928 г. в стране были введены карточки на хлеб, масло, сахар, крупу и промышленные товары. В связи с введением карточной системы снабжения городского населения деятельность потребительской кооперации начинает приобретать распределительный характер. Постановления 1929 г. превращали потребительскую коо-

перацию в инструмент плановой организации рынка и требовали от нее полной ответственности за свою работу [Суворова, 2013. С. 230]. Экономические меры в борьбе за хлеб привели к вытеснению частного торговца из хозяйственной сферы как экономическими, так и административными методами. Так в розничной торговле, по данным Госплана, в 1926/27 г. на долю частника приходилось 32% розничного оборота, а в 1927/28 г. – 18% [Орлов, 2007. С. 108].

В конце 1920-х гг. наблюдался процесс сокращения товарных бирж, их стали рассматривать как сборище спекулянтов и политической оппозиции. К марту 1927 г. в стране функционировало всего 14 бирж. [Орлов, 2015. С. 77]. Постепенно советские товарные биржи из органа содействия сбыту превращались в орган контроля над производством.

Стимулом для ускорения индустриализации являлась необходимость создания военно-промышленного комплекса страны. Надо было принимать во внимание идущий в мире бурный прогресс в производстве вооружений (авиации, танков, военного судостроения, артиллерии, военной химии). Осознание неготовности страны к войне в момент резкого обострения международной обстановки в конце 1920-х гг. безусловно повлияло на изменение планов военных приготовлений в Советском Союзе [Соколов, А.К., 2012. С. 68]. «Военная тревога» 1927 г. (разрыв дипломатических отношений с Англией, налет на советское полпредство в Пекине, убийство в Варшаве советского полпреда П. Войкова) вызвала явное беспокойство среди населения, возник ажиотажный спрос на продовольственные товары в связи со слухами о предстоящей войне. В результате к осени 1927 г. был исчерпан резервный фонд промышленных товаров. Негативная социальная энергия находила свой выход у широких слоев населения в готовности «войны» с нэпманом и кулаком [Лившин, 2002. С. 184]. Некоторое ослабление международной и внутренней напряженности произошло в связи с заключением пакта Бриана-Келлога в 1928 г., к которому присоединился и СССР. В 1929 г. Советский Союз заключил с Польшей, Румынией, Латвией и Эстонией соглашения о досрочном введении пакта в действие. Договоры не устранили подозрительности большевистского руководства относительно намерений других стран в отношении СССР. Советское руководство исходило из того, что военная угроза существует, а СССР к ее отражению не готов. Рассматривая вопрос о степени готовности страны к войне, сектор обороны Госплана в начале 1927 г. пришел к выводу, что ни Красная Армия, ни страна в целом к войне не готовы [Соколов А.К., 2004. С. 113].

Таким образом, к 1928 г. выявилось изживание системы нэпа по многим позициям. Методов хозяйственного порядка, способных вывести страну из наступающего кризиса в рамках нэпа, не существовало. К 1928–1929 гг. все основные направления развития нэпа в промышленности, финансах и торговле были свернуты, помощь иностранного капитала была сведена к минимальным торговым кредитам, источники средств в значительной степени были переориентированы на внутренние займы. Стал хроническим кризис в отношении с крестьянством, разгоралась внутрипартийная борьба. Объективно складывалась ситуация экономического застоя. Советская экономика имела диспропорции между тяжелой и легкой промышленностью, между промышленностью и сельским хозяйством. Количество безработных в 1929 г. приблизилось к 2 млн человек, что рождало многочисленные социальные проблемы [Орлов, 2019. С. 7]. Нужно было менять ситуацию – и по внешнеполитическим обстоятельствам, и по внутренним. Важную роль в крушении нэпа сыграл политический фактор. Движение по рыночному пути в корне противоречило социалистической перспективе партийно-государственного руководства [Гимпельсон, 2004. С. 285]. На темп и изменения нэпа влияли такие субъективные факторы, как растущий бюрократизм системы управления, волюнтаризм в принятии решений. Идеи компромисса с мелкотоварным производителем, допущение свободной торговли, частного предпринимательства вызывали отторжение у многих лидеров правящей партии. Нэп складывался не так, как планировали большевики. Можно сказать, что не столько большевики фор-

мировали нэп, сколько нэп формировал сознание большевиков [Бокарев, 2004. С. 187]. Введение чрезвычайных мер и принятие новых контрольных цифр народного хозяйства на 1928/1929 гг. – по сути, отказ политического руководства страны от экономических методов преодоления негативных последствий кризиса [Беспятова, 2016. С. 136].

Большевистское руководство страны воспринимало нэп как временную уступку частному капиталу. В 1917–1929 гг., во время военного коммунизма и нэпа, в стране велись острые дискуссии об институциональных реформах и модернизации промышленности. Тем не менее уже тогда почти у всех их участников не было сомнений в превосходстве новых, социалистических институтов над капиталистическими, что основывалось на модернистских представлениях о новом общественном строе как следующей, более высокой ступени развития человечества [Ореховский, 2017. С. 91].

Нэп в своем развитии прошел чередующиеся стадии. Вслед за этапом вхождения в нэп наступил этап всестороннего развития этой политики и ее исчерпания. Несомненным успехом нэпа было восстановление разрушенной экономики. Но значительные темпы роста экономики были достигнуты в преобладающей степени за счет введения в строй довоенных мощностей. Однако нэп не мог обеспечить внутренней социально-политической стабильности: в стране наблюдалась резкая дифференциация населения, росла безработица. Удовлетворение объективных потребностей мелкого частного собственника вызывало рост мелкобуржуазной стихии в условиях слабости государственной промышленности. Реализация базовых принципов нэпа позволила накопить средства для промышленного преобразования страны, но они не могли обеспечить быстрое создание мощной современной индустрии. Не был решен вопрос преодоления многоукладности народного хозяйства. По мере нарастания кризисных явлений в нэповской системе к концу 1920-х гг. (острый товарный голод, хлебозаготовительный кризис 1927/1928 гг., создавший реальную угрозу планам промышленного строительства, введение карточной системы) неизбежно возникал вопрос: куда и как двигаться дальше, в каком направлении, какими темпами, на какой основе. Задачи строительства большого числа промышленных объектов, увеличения производства многих видов продукции, выпуска новой техники требовали рывка в развитии. А он рассматривался советским руководством как способ быстрого преодоления экономического и военного отставания от Запада в условиях ожидаемой войны. Именно в таких не простых условиях был избран путь форсированной модернизации, которая обеспечила материально-техническую базу обороноспособности и экономический суверенитет государства. Допущение рыночных механизмов в период нэпа, обеспечив восстановление хозяйства примерно на дореволюционном уровне, было сменено курсом на предельную централизацию и огосударствление, что, с одной стороны, было связано с идеологией, а с другой – с внешней ситуацией сильнейшего мирового экономического кризиса [Сенявский, 2012. С. 66]. В период реализации заданий первой пятилетки (1928–1932 гг.) произошел переход от политики сохранения элементов рынка к утверждению плановых методов регулирования хозяйственной деятельности, сопровождавшейся часто искусственным выправлением линии развития, категоричностью суждений и администрированием в руководстве. В условиях свертывания нэпа стала формироваться советская мобилизационная модель [Сенявский, 2019. С. 90–91]. Функционально и структурно она была связана с механизмами военно-экономической мобилизации, но вовсе не тождественна им. Принятый в конце 1920-х гг. курс был следствием не только авторитарных наклонностей части руководства ВКП(б), но и требованием времени – мобилизации всех ресурсов для проведения быстрой индустриализации.

ЛИТЕРАТУРА

- Беспятова Е.Б. (2016). Нэп в трех измерениях: теория, политика, практика // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4 т. Т. 4. 1917–1991. М.: Политическая энциклопедия.
- Бокарев Ю.П. (2006). Нэп как самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН.
- Бокарев Ю.П. (2004). Россия Нэповская // Отечественная история. № 4. С. 180–189.
- Борисов С.М. (1997). РУБЛЬ: золотой, червонный, советский, российский... Проблема конвертируемости. М.: ИНФРА-М.
- Гимпельсон Е.Г. (2004). НЭП. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века). М.: Собрание.
- Голанд Ю. (1998). Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. М.: Фонд экономической книги «Начала».
- История Министерства финансов России. (2002). В 4 т. Т. 2. М.: ИНФРА-М.
- Лившин А.Я. Орлов И.Б. (2002). Власть и общество: Диалог в письмах. М.: РОССПЭН.
- Обухов Н.П. (2009). Эволюция внешнеторговой и таможенно-тарифной политики государства в развитии процесса индустриализации России в XIX – первой половине XX в. М.: Бухгалтерский учет.
- Ореховский П.А. (2017). Дискурс российской модернизации: неизбежность очередного провала // Общественные науки и современность. № 6. С. 89–96.
- Орлов И.Б. (2002). Противоречия индустриализации // Россия нэповская. М.: Новый хронограф.
- Орлов И.Б., Пахомов С.А. (2007). «Ряженые капиталисты» на нэповском празднике жизни. М.: Собрание.
- Орлов И.Б. (2019). Сталинская модернизация // Историк. №10. С. 7–16.
- Орлов И.Б. (2015). Государственная промышленная политика в 1920-е гг.: антикризисная или кризисная модель? // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. Т. 2. №1. С. 57–84.
- Осокина Е.А. (2002). В тисках социалистической торговли // Россия нэповская. М.: Новый хронограф.
- Осокина Е.А. (2008). За «фасадом сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН.
- Осокина Е.А. (2009). Золото для индустриализации: «Торгсин». М.: РОССПЭН.
- Сенявский А.С. (2006). Новая экономическая политика: современные подходы и перспективы изучения. // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН.
- Сенявский А.С. (2012). Экономическое развитие России в XX веке: историко-теоретические проблемы // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: Сб. материалов II Всероссийской научной конференции / Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. Челябинск: Энциклопедия.
- Сенявский А.С. (2019). Советская мобилизационная модель развития как инструмент индустриальной модернизации и экономического роста: институциональный аспект // Исторические вызовы и экономическое развитие России: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Екатеринбург: ООО Университетская типография «Альфа Принт». С. 90–93.
- Соколов А.К. (2004). НЭП и военная промышленность Советской России // Экономическая история: ежегодник 2004. М.: РОССПЭН.
- Соколов А.К. (2012). От военпрома к ВПК: советская военная промышленность 1917 – июнь 1941 гг. М.: Новый хронограф.
- Соколов А.С. (2012). Советские государственные займы в период новой экономической политики (1922–1928) // Экономическая история: Ежегодник. 2011/2012. М.: РОССПЭН.
- Суворова Л.Н. (2013). Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М.: АИРО-XXI.
- Фельдман М.А. (2019). Конец «романтической эпохи» (дискуссии на Апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) о выборе пути, формах и методах «социалистической» модернизации // Общественные науки и современность. № 3. С. 135–148.
- Ханин Г. (1989). Почему и когда погиб нэп: Размышления экономиста // ЭКО. № 10. С. 67–83.
- Шишкин В.А. (1997). Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб.: «Дмитрий Буланин».

Соколов Александр Станиславович

falcon140770@yandex.ru

Aleksandr Sokolov

Dr. Sci. in History, Head of the department of History, philosophy and law, Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkin (Ryazan)

falcon140770@yandex.ru

NEP WRAPPING: ECONOMIC FACTORS

Abstract. The article presents an analysis of the events of the new economic policy. The causes of crisis phenomena in the development of NEP are analyzed. It is noted that the collapse of the NEP took place under the influence of domestic and foreign political circumstances. It was revealed that by the end of the 1920s, the NEP system was being eliminated. It is concluded that the implementation of rapid industrialization within the framework of the NEP was impossible.

Key words: *new economic policy, commodity crisis, concessions, modernization, international relations, finance.*

JEL: B24, N14, N24, N44.

REFERENCES

- Bespyatova E.B.* (2016). *Nep v trekh izmereniyah: teoriya, politika, praktika* [NEP in three dimensions: theory, policy, and practice] // *Reformy v Rossii s drevnejshih vremen do konca HKH v. V 4 t. T. 4. 1917–1991. M.: Politicheskaya enciklopediya.*
- Bokarev Yu.P.* (2006). *Nep kak samoorganizuyushchayasya i samorazrushayushchayasya Sistema* [NEP as a self-organizing and self-destructing system] // *Nep: ekonomicheskie, politicheskie i sociokul'turnye aspekty. M.: ROSSPEN.*
- Bokarev Yu.P.* (2004). *Rossiya Nepovskaya* [Russia NEP] // *Russian history. No. 4. Pp. 180–189.*
- Borisov S.M.* (1997). *RUBL: zolotoj, chervonnyj, sovetiskij, rossijskij... Problema konvertiruемости* [RUBLE: gold, red, Soviet, Russian... ..the Problem of convertibility]. M.: INFRA-M.
- Gimpelson E.G.* (2004). *NEP. Novaya ekonomicheskaya politika Lenina-Stalina. Problemy i uroki. (20-e gody XX veka)* [NEP. The new economic policy of Lenin and Stalin. Problems and lessons. (20s of the XX century)]. M.: Sobranie.
- Goland Yu.* (1998). *Krizisy, razrushivshie NEP. Valyutnoe regulirovanie v period NEPa.* [Crises that destroyed the NEP. Currency regulation during the NEP period]. M.: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala».
- Istoriya Ministerstva finansov Rossii.* (2002). V 4 t. T. 2. [History of the Ministry of Finance of Russia. In 4 vol. Vol. II]. M.: INFRA-M.
- Livshin A.Ya., Orlov I.B.* (2002). *Vlast' i obshchestvo: Dialog v pis'mah.* [Power and society: Dialogue in letters]. M.: ROSSPEN.
- Obuhov N.P.* (2009). *Evoluciya vneshnetorgovoj i tamozhenno-tarifnoj politiki gosudarstva v razvitii processa industrializacii Rossii v XIX-pervoj polovine HKH v.* [Evolution of foreign trade and customs and tariff policy of the state in the development of the process of industrialization of Russia in the XIX-first half of the XX century]. M.: Buhgalterskij uchet.
- Orekhovskij P.A.* (2017). *Diskurs rossijskoj modernizacii: neizbezhnost' ocherednogo provala* [Discourse of Russian modernization: the inevitability of another failure] // *Social Sciences and modernity/ No. 6. Pp. 89–96.*
- Orlov I.B.* (2002). *Protivorechiya industrializacii* [Contradictions of industrialization] // *Rossiya nepovskaya. M.: Novyj hronograf.*
- Orlov I.B., Pahomov S.A.* (2007). «Ryazhenye kapitalisty» na nepovskom prazdnike zhizni. [«Masked capitalists» at the NEP festival of life]. M.: Sobranie.
- Orlov I.B.* (2019). *Stalinskaya modernizaciya* [Stalin's modernization] // *Historian № 10. Pp. 7–16.*
- Orlov I.B.* (2015). *Gosudarstvennaya promyshlennaya politika v 1920-e gg.: antikrizisnaya ili krizisnaya model?* [State industrial policy in the 1920s: anti-crisis or crisis model?] // *Rossijskie regiony: vzglyad v budushchee 2015. T. 2. № 1. Ss. 57–84.*
- Osokina E.A.* (2002). *V tiskah socialisticheskoy trgovli* [In the grip of socialist trade] // *Rossiya nepovskaya. M.: Novyj hronograf.*
- Osokina E.A.* (2008). *Za «fasadom stalinskogo izobilija»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii. 1927–1941.* [Behind the «facade of Stalin's abundance»: Distribution and market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941]. M.: ROSSPEN.
- Osokina E.A.* (2009). *Zoloto dlya industrializacii: «Torgsin»* [Gold for industrialization: «Torgsin»]. M.: ROSSPEN.

- Senyavskij A.S.* (2006). Novaya ekonomicheskaya politika: sovremennye podhody i perspektivy izucheniya [New economic policy: modern approaches and perspectives of study] //Nep: ekonomicheskie, politicheskie i sociokul'turnye aspekty. M.: ROSSPEN.
- Senyavskij A.S.* (2012). Ekonomicheskoe razvitie Rossii v HKH veke: istoriko-teoreticheskie problem [] // Mobilizacionnaya model' ekonomiki: istoricheskij opyt Rossii HKH veka: Sb. materialov II Vserossijskoj nauchnoj konferencii / Pod red. G.A. Goncharova, S.A. Bakanova. CHelyabinsk: Enciklopediya.
- Senyavskij A.S.* (2019). Sovetskaya mobilizacionnaya model' razvitiya kak instrument industrial'noj modernizacii i ekonomicheskogo rosta: institucional'nyj aspect [Soviet mobilization model of development as an instrument of industrial modernization and economic growth: institutional aspect] // Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitie Rossii: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Ekaterinburg: OOO Universitetskaya tipografiya «Al'fa Print». S. 90–93.
- Sokolov A.K.* (2004). NEP i voennaya promyshlennost' Sovetskoj Rossii [NEP and the military industry of Soviet Russia] // Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik 2004. M.: ROSSPEN.
- Sokolov A.K.* (2012). Ot voenproma k VPK: sovetskaya voennaya promyshlennost' 1917 – iyun' 1941 gg. [From the military industry to the military industrial complex: Soviet military industry 1917 – June 1941]. M.: Novyj hronograf.
- Sokolov A.S.* (2012). Sovetskie gosudarstvennye zajmy v period novej ekonomicheskoy politiki (1922–1928) [Soviet state loans during the new economic policy period (1922–1928)] // Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik. 2011/2012. M.: ROSSPEN.
- Suvorova L.N.* (2013). Nepovskaya mnogoukladnaya ekonomika: mezhdu gosudarstvom i rynkom [NEP's multi-layered economy: between the state and the market]. M.: AIRO-XXI.
- Fel'dman M.A.* (2019). Konec «romanticheskoy epohi» (diskussii na Aprel'skom (1929 g.) Plenumе CK VKP(b) o vybore puti, formah i metodah «socialisticheskoy» modernizacii [The end of the «romantic era» (discussions at the April (1929) Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) on the choice of path, forms and methods of “socialist” modernization] //Social Sciences and modernity. No. 3. Pp. 135–148.
- Hanin G.* (1989). Pochemu i kogda pogib nep: Razmyshleniya ekonomista [Why and when the NEP died: Reflections of an economist] // ECO. No. 10. Pp. 67–83.
- Shishkin V.A.* (1997). Vlast'. Politika. Ekonomika. Poslerevolucionnaya Rossiya (1917–1928 gg.) [Power. Politics. Economy. Post-revolutionary Russia (1917–1928)]. SPb.: «Dmitrij Bulanin».